

The image is a dark, atmospheric illustration of a village street. In the foreground, a woman with long dark hair, wearing a black, hooded cloak, stands with her back to the viewer, looking down a cobblestone path. The path is flanked by old, stone buildings with arched windows and doorways, some covered in ivy. In the background, a large, imposing castle with multiple spires and towers rises above the trees. The sky is overcast and grey, with a few birds flying. The overall mood is mysterious and gothic.

Максим Орлов

Последний поцелуй ведьмы

Максим Орлов

Последний поцелуй ведьмы

<https://litres.ru/74107274>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он потерял всё: имя, память, себя. Остался лишь медальон с локоном той, кого он не помнит, и шёпот системы, ведущий в Чёрный Лес. Там живёт ведьма, знающая его имя. Её поцелуй — цена за истину. Три задания, три шага к тому, чтобы вспомнить, кто он.

Лилия восстановила свой город, но не может забыть того, кто сжёг себя ради неё. Шёпот — древняя сущность из леса — проникает в её сны и мысли. Она должна вернуться на Дорогу, чтобы спасти его — или потерять навсегда.

В мире, где магия — проклятие, а любовь — единственный шанс, им предстоит встретиться снова. «Последний Поцелуй Ведьмы» — история о том, как память возвращается болью, а счастье рождается из пепла, и о том, что даже потерявший себя может обрести имя, если готов заплатить высокую цену.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 Чёрный Лес	10
Глава 2 – Дом у обрыва	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Последний поцелуй ведьмы

Пролог

Память в пепле

Дорога никогда не забывает тех, кто ступил на неё с пустыми руками. Она ждёт, чтобы вложить в ладонь либо монету, либо кость. Но если ты отдал ей всё, она вернёт тебя к началу — и заставит идти снова.

Асфальт трещинами походил на старую кожу, растянутую поверх высохших жил. Каждая трещина напоминала рану, которая не заживала, а лишь покрывалась тонкой пленкой пыли, готовой разорваться при малейшем прикосновении. Камешки, разбросанные вдоль обочин, казались осколками зубов какого-то гигантского дракона, пережёвывающего само время. Пыль поднималась вслед за каждым его шагом, словно злая собака, норовившая укусить за пятки.

Он брёл, уже не помня сколько — дни сливались в одну длинную полосу усталости и бессмысленности. Время здесь текло иначе, растягиваясь, как старая резина, которая вот-вот лопнет, но всё никак не лопаётся. Он не помнил, как оказался здесь. Не помнил своего имени. Не помнил, куда идёт и зачем. Просто шёл, потому что ноги двигались сами собой, а любая остановка грозила провалиться в пустоту, из которой уже не выбраться.

Внутри него росло чувство, похожее на голод — тупое, навязчивое, невыносимое. Оно грызло изнутри, не давая покоя, заставляя двигаться вперёд, несмотря ни на что. Казалось, что, если остановится хоть на мгновение, этот голод сожрёт его целиком, превратив в ничто.

В левой руке он сжимал медальон. Он не помнил, когда взял его, но пальцы сами собой сомкнулись вокруг холодного металла, и он чувствовал, как тот пульсировал — слабо, но ровно, словно второе сердце. В центре его лежал локон волос — светлый, с рыжим отливом, мягкий и почти живой на ощупь. Он провёл по нему пальцем, и внутри шевельнулось что-то тёплое, но тут же угасло, как спичка на ветру.

Вдруг медальон нагрелся — резко, почти обжигающе. Из него вырвался слабый, мерцающий свет, и он увидел её. Девушка в белом платье, с рыжими искорками в волосах, смотрела на него сквозь слёзы, улыбаясь болезненной, отчаянной улыбкой, в которой было столько света, что у него перехватило дыхание. Она протянула к нему руку, и он услышал голос — тихий, почти неразличимый, как шёпот ветра в листве:

«Я буду ждать тебя»

Образ исчез так же внезапно, как и появился, оставив после себя лишь холодный комок в груди и тихое эхо, которое застряло где-то глубоко внутри.

— Кто ты? — прошептал он в пустоту. Ответа не было. Только ветер скрипел в ушах, и где-то далеко завывала оди-

нокая птица.

И в этот момент в голове зазвенело — звонко, резко, как если бы кто-то ударил по пустому ведру. Перед глазами вспыхнули алые строки:

[ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ... ЗАВЕРШЕНО]

Имя пользователя: не найдено.

Уровень: 0 (Нулевой).

Степень Разложения: 0%.

Статус: утрата памяти подтверждена.

Затем появилось новое сообщение:

[НОВЫЙ КВЕСТ: Найти Ведьму]

Описание: В Чёрном Лесу живёт женщина, которую называют Последней Ведьмой. Она знает твоё имя. Она видела твоё прошлое. Но она не отдаст тайну бесплатно.

Цель: добраться до Башни Ведьмы и получить ответ.

Награда: твоё истинное имя.

Предупреждение: Ведьма не любит гостей, которые не готовы платить.

Он смотрел на эти слова, чувствуя, как внутри растёт смесь страха и облегчения. Наконец-то появилась цель. Пусть непонятная, пусть пугающая, но цель. Он поднял голову и посмотрел вдаль. Там, за серой пеленой, темнела стена деревьев — древних, чёрных, с голыми ветвями, тянущимися к небу, как пальцы утопленников. Даже на расстоянии они казались живыми — они шевелились, хотя ветра почти не было, и от них исходил шёпот тысяч голосов.

Он остановился на границе, где асфальт переходил в мягкую, чёрную землю. Шёпот был тихим, почти неразличимым, но вдруг одно слово прозвучало чётко, как удар колокола:

«Странник»

Он вздрогнул. Слово отозвалось внутри него эхом. Он сжал медальон крепче, чувствуя, как локон волос нагревается, почти обжигая кожу.

— Значит, Ведьма, — прошептал он, сжимая медальон. — Ладно. Пойду к тебе. Всё равно терять нечего.

Он шагнул с асфальта на чёрную землю, и в этот момент деревья сомкнулись за его спиной, отрезая путь назад. Солнце — мутное и бледное — скрылось за кронами, и вокруг воцарился полумрак, который давил на глаза, как тяжёлая ткань.

Лес дышал — он чувствовал это. Каждое дерево было живым, и каждое из них шептало ему что-то, но он не мог разобрать слов. Он шёл по узкой тропинке между стволами, чувствуя, как чьи-то невидимые пальцы касаются его плеч, спины, щёк — холодные и лёгкие, как прикосновения призраков.

— Эй, — сказал он громко, пытаясь придать голосу бодрости. — Если вы хотите меня съесть, то лучше сделайте это быстро. Я не люблю долгих предисловий.

Шёпот усилился, но в нём не было угрозы — только любопытство. Лес изучал его, ощупывал, проверял на прочность.

Тропинка вывела его на небольшую поляну. В центре стоял старый, покосившийся дом — деревянный, с прогнившей крышей. На крыльце сидела женщина. Старая, морщинистая, одетая в лохмотья. Её глаза — бледно-голубые, почти белые — смотрели на него с любопытством и знанием, которое он не мог понять.

— Ты пришёл, — сказала она, и голос её скрипел, как несмазанная дверь. — Я ждала тебя. Но ты ещё не готов услышать своё имя.

— Я готов, — сказал он. — Назови цену.

Она усмехнулась, обнажив беззубый рот.

— Три задания, Странник. Выполнишь — узнаешь своё имя. Нет — останешься здесь навсегда, частью этого леса.

Он сжал медальон, чувствуя, как локон внутри него пульсирует в такт его сердцу.

— Говори.

— Первое, — сказала она, поднимаясь с крыльца. — Спустись в Болото Молчаливых и принеси мне голос утопленника. Того, кто потерял голос, но помнит, как говорить. Будь осторожен: вода там не держит тела, она держит только голоса. Если заговоришь — потеряешь свой навсегда.

Он усмехнулся — криво, но твёрдо.

— Я и так почти не разговариваю. Потеряю — не страшно. Главное, чтобы ты сдержала обещание.

Она не ответила. Только смотрела, как он разворачивается и уходит обратно в лес. Где-то вдалеке, за кронами, снова

послышался голос — женский, тихий, почти неразличимый:

«Я буду ждать тебя на Перекрёстке, когда ты снова вспомнишь, как дышать»

Он остановился, но звук уже исчез. Медальон на груди горел теплом, напоминая, что он не один — даже когда кажется, что весь мир против него.

Лес дышал, и его дыхание пахло гнилью и надеждой.

Глава 1 Чёрный Лес

Лес не прощает тех, кто входит в него с надеждой. Он прощает только тех, кто входит с готовностью заблудиться. Каждое дерево здесь помнит чужую боль, и каждый корень тянется к твоим ногам, чтобы узнать, как пахнет твой страх.

Он вошёл в Чёрный Лес — и мир вокруг него изменился.

Сначала это было незаметно. Просто воздух стал гуще, как будто кто-то добавил в него ложку мёда и хорошо перемешал, превратив его в сироп, который было трудно вдыхать. Каждый вдох давался с трудом, словно лёгкие наполнились не кислородом, а чем-то тягучим и липким.

Потом — свет. Он не исчез, нет, он просто стал другим: мутным, зелёным, похожим на воду в старом аквариуме, которую забыли поменять, где плавали только тени да обрывки воспоминаний. Он шёл по мягкой, чёрной земле, которая пружинила под ногами, как живая плоть, и с каждым шагом чувствовал, как что-то меняется внутри него, как будто лес перебирал его кости, проверяя, всё ли на месте, ощупывал его мышцы, изучал его кровь.

Лес был голоден, он чувствовал это — не той голод, что грыз его самого, а другой, более древний и терпеливый.

Деревья стояли плотно, ствол к стволу, смыкаясь в сплошную стену, через которую невозможно было пройти. Их вет-

ви переплетались над головой в такой густой полог, что солнечный свет — даже тот, что был здесь, — почти не просачивался сквозь эту живую крышу. Кора была чёрной — не серой, не тёмно-коричневой, не тёмно-серой, а именно чёрной, как уголь, как сама тьма, из которой не рождается ничего живого. Но он знал, что она живая. Он чувствовал это по тому, как она дышала — тихо, ровно, в такт его сердцу. Она пульсировала, как вена, и каждый раз, когда он приближался к стволу, он слышал, как внутри дерева бьётся второе сердце.

— Ну и местечко, — пробормотал он, оглядываясь. — Если бы я искал, где спрятать труп, я бы выбрал именно это. Или, наоборот, где спрятаться от трупа.

Голос его прозвучал глухо, приглушённо, как будто лес поглощал звуки, не давая им разлетаться. Эхо не вернулось — оно просто умерло где-то в глубине, не успев родиться. Вместо этого из этой самой глубины донёсся шёпот — тихий, почти неразличимый, но он уловил в нём обрывки фраз, как далёкий сигнал, который невозможно расшифровать:

«он пришёл»

«помнит ли он»

«мы знаем его»

«он платил нам однажды»

Он остановился, прислушиваясь. Шёпот исходил отовсюду — от корней, от стволов, от листьев, которых здесь почти не было. Он был одновременно везде и нигде, как ветер, ко-

торый дует во все стороны сразу. Лес говорил с ним, но он не мог разобрать слов. Они скользили мимо сознания, как вода сквозь пальцы, оставляя только смутное ощущение, что кто-то где-то когда-то уже произносил эти звуки. Или это он сам их произносил — так давно, что забыл.

Он попытался сфокусироваться, напрячь слух, но шёпот ускользал от него, переплетался, накладывался сам на себя, создавая какофонию, от которой начинала болеть голова. Где-то в этой какофонии он уловил знакомое слово, но оно растворилось, прежде чем он успел его осознать.

— Если вы хотите что-то сказать, — крикнул он в темноту, стараясь придать голосу бодрости. — Говорите нормально. Я не понимаю вашего языка.

Шёпот усилился, как будто его слова разозлили лес, но слов так и не стало. Только нарастающий гул, похожий на рой рассерженных пчёл. Вместо этого перед его глазами вспыхнула алая строка, которую он уже начал узнавать, как знакомый голос:

[ВНИМАНИЕ: Аномальная зона «Чёрный Лес»]

Деревья хранят воспоминания всех, кто проходил через лес. Каждое прикосновение к коре может вызвать флешбэк.

Не рекомендуется касаться стволов без необходимости.

Ваша Степень Разложения: 0%.

Рекомендуется сохранять эмоциональную стабильность.

Предупреждение: активность ментальных сущностей в

лесу повышена. Возможны слуховые и зрительные галлюцинации.

Он фыркнул, хотя внутри похолодел. Система редко предупреждала просто так. Если она говорила о галлюцинациях, значит, они уже начались.

— Эмоциональную стабильность, — повторил он, передразнивая системный голос, стараясь придать своему тону как можно больше иронии. — Я не помню, кто я, не помню, откуда пришёл, и единственная зацепка — это странный медальон и ведьма, которая, судя по всему, живёт в этом кошмаре. Какая уж тут стабильность? Я бы сказал, что я на удивление спокоен для человека, который разговаривает с деревьями.

Он двинулся дальше, стараясь не касаться стволов, но лес не давал ему покоя. Шёпот становился всё громче, настойчивее, и в нём начали проступать отдельные слова — не целые фразы, а просто обрывки, которые били по сознанию, как камешки, брошенные в оконное стекло:

«помнишь»

«ты обещал»

«она ждала»

«ты забыл»

Он зажимал уши, но шёпот проникал сквозь пальцы, сквозь кожу, сквозь кости, просачиваясь прямо в мозг. Он ускорил шаг, почти переходя на бег, но лес не выпускал его. Ветви хватали за плечи, корни путались под ногами, и он

споткнулся, упал на колени, больно ударившись о чёрную землю.

И в этот момент одно из деревьев — старое, с корнями, торчащими из земли, как жилы, напряжённые под старой кожей, — прошептало почти отчётливо, с укором и болью:

«Странник ты был здесь ты оставил здесь часть себя»

Он замер. Слово — его имя — снова пронзило его, как удар тока. На этот раз оно было не эхом из прошлого, а настоящим, здесь и сейчас. Он поднял голову и посмотрел на дерево. Его кора была чёрной, но в ней угадывались очертания лица — не его, а чужого, стёртого временем. Он поднялся, отряхнул колени и, вопреки предупреждению системы, осторожно коснулся коры.

И мир вокруг него взорвался.

Он увидел себя. Не такого, каким он был сейчас — грязного, уставшего, потерянного, — а другого. Молодого, уверенного, почти наглого, с мечом в руке, который не был просто оружием, а продолжением его руки. Он стоял на краю обрыва, и ветер развевал его длинные волосы, которые он, судя по всему, в отличие от сегодняшнего себя, когда-то отращивал. Рядом с ним стояла девушка — не Лилия, он знал это, но её лицо было смутным, как в тумане. Он не мог разглядеть черты, но чувствовал, что она была красивой. Её волосы были тёмными, как ночь, а глаза — слишком яркими, чтобы быть настоящими.

Он смотрел на неё с любовью, которая была острее ножа, и

говорил, и голос его звучал твёрдо, хотя в нём чувствовалась едва заметная дрожь:

«Я вернусь за тобой. Обещаю. Как только закончу это дело, я вернусь. Мы уйдём отсюда вместе. Наймём корабль, поплывём на юг, где солнце греет даже ночью. И ты больше никогда не будешь бояться».

Девушка улыбнулась, но в её улыбке было столько боли, что у него сжалось сердце. Она не верила ему, он видел это. Или верила, но знала, что он не сдержит обещание.

«Ты всегда обещаешь, — сказала она, и голос её был тихим, как шёпот ветра в листве. — Но ты никогда не возвращаешься. И я не знаю, что я буду делать, когда ты не вернёшься».

Он хотел ответить, но видение начало таять, и он почувствовал, как чья-то рука — холодная и жёсткая — сжимает его плечо, возвращая в реальность.

Он открыл глаза. Он стоял на коленях, тяжело дыша, и по его лицу текли слёзы. Он не знал, когда начал плакать, но слёзы были горячими и настоящими. Медальон на его груди горел — он чувствовал это даже через ткань куртки, как если бы кто-то приложил к его груди горячий камень. Локон волос внутри него пульсировал, как живое сердце, и в этом пульсе была тревога. Не его — её. Лилии.

— Кто ты? — прошептал он в пустоту, вытирая лицо рукавом. — Кто была та девушка? Почему я помню тебя, но не помню Лилию? И что ты чувствуешь сейчас? Почему ме-

дальон болит?

Лес не ответил. Только шёпот, который снова стал неразборчивым, и тьма, которая сгущалась вокруг него. Где-то в глубине леса раздался звук, похожий на шаги. Тяжёлые, медленные, как будто кто-то шёл за ним, не приближаясь и не отдаляясь, просто сохраняя дистанцию.

Он поднялся, чувствуя, как дрожат ноги. Он посмотрел в ту сторону, откуда доносились шаги, но ничего не увидел. Только тьма. И лёгкое движение теней, которые, возможно, были просто ветками на ветру.

— Если ты там, — сказал он, обращаясь к пустоте, — выходи. Я не боюсь тебя. Мне уже нечего терять.

Шаги замолкли. И в тишине раздался голос — тихий, вкрадчивый, похожий на шёпот, но более чёткий, почти человеческий:

«Ты ошибаешься, Странник. Тебе есть что терять. Ты просто не помнишь этого. Но я помню. Я всё помню. И я знаю, кого ты ищешь.»

Он замер. Голос был ниоткуда и одновременно ото всюду. Он проникал в него, как холод, как страх, как что-то, что он не мог контролировать.

— Кто ты? — спросил он, сжимая медальон так, что костяшки побелели.

«Меня называют Шёпотом. Я живу в этом лесу. Я был здесь до тебя. И я буду здесь после тебя. Но я знаю имя, которое ты ищешь. И я знаю цену, которую ты готов за-

платить.»

— Я ищу Ведьму, — сказал он твёрдо. — Она знает моё имя.

«Ведьма? — голос рассмеялся — тихо, скрежещуще, как снег под ногами. — Она знает твоё имя, это правда. Но она не скажет его тебе. Она будет мучить тебя заданиями, тянуть время, высасывать из тебя последние силы. Она ждёт, пока ты сломаешься, чтобы забрать то, что у тебя осталось. Я же могу сказать тебе имя прямо сейчас. Без заданий. Без платы.»

Он почувствовал, как внутри него разгорается искра надежды — глупая, но навязчивая.

— И что ты хочешь взамен?

«Всего лишь одну вещь, — прошептал голос, и в нём появилась жадность. — Ты должен привести ко мне Лилию. Ты должен отдать её мне.»

Он почувствовал, как его сердце пропустило удар.

— Нет.

«Ты даже не помнишь её, — удивился голос. — Ты не помнишь, как она выглядит. Ты не помнишь, как она звучит. Ты не помнишь, почему она для тебя важна. А я могу дать тебе всё. Ты можешь вспомнить всё, что было.»

— Нет, — повторил он, и голос его стал твёрже. — Если ты знаешь её, если ты знаешь меня, то ты знаешь, что я не продаю тех, кого люблю. Даже если я не помню их лица.

Голос замолчал. И в тишине раздался вздох — разочаро-

ванный, почти обиженный.

«Ты будешь жалеть об этом, Странник. Шёпот не прощает отказов. Я буду ждать тебя. И когда ты сломаешься — а ты сломаешься, — я буду здесь.»

Шаги возобновились, но теперь они удалялись. Вскоре они затихли, и лес снова стал просто лесом — тёмным, жутким, но безликим.

Он стоял, тяжело дыша, и в этот момент медальон на его груди вспыхнул ярче — не обжигаяще, а тревожно, как маяк в бурю. Перед глазами загорелась новая строка, не алая, а бледно-золотая, как будто её начертил кто-то очень старый:

[ВНИМАНИЕ: Угроза для объекта «Лилия»]

Объект «Лилия» (Город Забытого Времени) находится под воздействием ментальной сущности «Шёпот».

Влияние возрастает. Рекомендуется ускорить получение истинного имени и возвращение.

Совет: не доверяйте обещаниям сущности.

Единственный путь — Башня Ведьмы на западе.

Он прочитал сообщение, и внутри него разлился холод — не тот, что от ветра, а другой, глубокий, который скручивал внутренности узлом. Лилия была в опасности. Он не помнил её, но он чувствовал это — медальон передавал ему её страх, её боль, её отчаяние.

— Я иду, — прошептал он. — Я иду, Лилия. Держись.

Он поднял голову и посмотрел на запад. Там, в просвете между чёрными стволами, мелькнул слабый свет — не солн-

це, не луна, а что-то другое, похожее на далёкий факел. Или на окно в башне.

Он сделал шаг в этом направлении. Лес расступился перед ним, как живое существо, которое наконец решило пропустить гостя. Шёпот стих, и только ветер шевелил сухие листья, напоминая, что он всё ещё здесь.

Он шёл долго — может быть, час, может быть, день. Время в лесу текло по своим законам. Но он не останавливался. Он шёл, пока впереди, между деревьями, не показался силуэт старой башни — каменной, чёрной, вросшей корнями в землю.

И когда он увидел её, он услышал голос — тот самый, который уже звучал в его голове, когда он касался медальона. Голос Лилии, слабый, как эхо, но отчётливый:

«Я буду ждать тебя на Перекрёстке, когда ты снова вспомнишь, как дышать»

Он сжал медальон, чувствуя, как локон волос нагревается под его пальцами.

— Я помню, как дышать, — прошептал он. — Теперь я хочу вспомнить, как жить.

И он шагнул вперёд, к Башне, где его ждало имя.

Лес дышал, и в его дыхании слышалось тихое, зловещее пение. Но он больше не боялся.

Глава 2 – Дом у обрыва

Башня не прощает тех, кто входит в неё с надеждой на лёгкий ответ. Она прощает только тех, кто готов потерять себя, чтобы найти истину. Каждый камень здесь помнит чужую боль, и каждая ступень ведёт либо к спасению, либо к забвению.

Башня оказалась ближе, чем он думал. Или время в лесу снова сыграло с ним злую шутку — он перестал доверять собственным ощущениям с тех пор, как ступил на чёрную землю. Она возникла перед ним внезапно, как мираж в пустыне: высокая, узкая, сложенная из тёмного камня, который, казалось, впитывал свет вместо того, чтобы отражать его. Стены были покрыты трещинами, похожими на сеть старых вен, и в каждой из них пульсировал слабый, едва заметный свет — как будто внутри башни жило что-то, что дышало в такт с лесом.

Он остановился у подножия, запрокинул голову и посмотрел вверх. Башня уходила в небо, теряясь в серой дымке, которая здесь, в глубине леса, заменяла небо. Окна были узкими, почти бойницами, и из них не лилось никакого света — только тьма, более плотная, чем та, что окружала его. Вокруг башни не было ни дверей, ни входа — только гладкая каменная стена, которая, казалось, насмехалась над ним.

— Ну и гостеприимство, — пробормотал он, обходя баш-

ню по кругу. — Ни звонка, ни домофона. Даже коврика нет, чтобы вытереть ноги.

Он уже собирался постучать в стену, просто чтобы проверить, не окажется ли она пустой, как вдруг один из камней в стене дрогнул, сдвинулся в сторону, открывая узкий проход, едва достаточный для одного человека. Изнутри пахнуло пылью, травами и чем-то ещё — сладковатым, как старая кровь.

Он шагнул в проём, и камень сомкнулся за его спиной.

Внутри было темно. Не той тьмой, которую можно разогнать светом, а другой — плотной, вязкой, как смола. Он сделал несколько шагов вперёд, вытянув руки, чтобы не удариться о стену, и вдруг почувствовал, как под ногами появились ступени. Они вели вверх, закручиваясь по спирали, и каждая из них была чуть теплее предыдущей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.